

## ПОЛИТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ И ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ВЕДУЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

.....

Т.С. Соколова<sup>1</sup>

**Ключевые слова:** иммигранты, иммиграционная политика, интеграция, социальные конфликты, политическое развитие. **Keywords:** immigrants, immigration policy, integration, social conflicts, political development.

«XXI в. станет веком постоянного передвижения народов», – утверждает верховный комиссар ООН по делам беженцев Антониу Гутерреш [16]. Безусловно, миграция – это не новое явление. Засуха и другие природные бедствия, политическая нестабильность, войны, конфликты на протяжении всей истории человечества вынуждали народы мигрировать. Однако в XX веке миграция приобрела иные масштабы и качественные показатели.

Европейские страны на протяжении десятилетий привлекали иммигрантов из менее развитых стран. Взаимоотношения западных стран с иммигрантами были обоюдновыгодными. Европа получала необходимую дешевую рабочую силу, а иммигранты – возможность устроиться на работу и надежды на лучшую жизнь.

Приток мигрантов в Западную Европу начался еще после окончания Второй мировой войны. Со второй половины XX в. иммиграция становится одной из центральных проблем. В этот период количество иммигрантов в страны Европейского союза значительно выросло, и в 2000 г. численность только легальных иммигрантов составила 18,2 млн чел. [18, с. 101]. Недавние события в ряде европейских стран показывают, что иммиграция может превратиться в угрозу стабильности ЕС. Убийство в ноябре 2004 г. в Нидерландах режиссера Тео ван Гога Мохаммедом Буйери, марокканцем по происхождению, усилившее межэтническую и межрелигиозную напряженность в стране, острая полемика вокруг ношения хиджаба во Франции и беспорядки во французских

---

<sup>1</sup> Соколова Татьяна Сергеевна – аспирант кафедры политической теории МГИМО (У), преподаватель кафедры мировой экономики и международных отношений МЭСИ. Эл. почта: tsokolova05@list.ru

пригородах осенью 2005 г. – наиболее яркая иллюстрация того, что сегодня иммиграция может стать фактором дестабилизации в европейских странах. [18, с. 101].

Иммигранты постепенно превращались из прибывающих на время иностранных рабочих в новые этнические меньшинства [7, с. 45–68] для принявших их стран. Если изначально иммигранты рассматривались как временная рабочая сила, то через некоторое время стало очевидно, что «нет ничего более постоянного, чем временная иммиграция» [14, с. 159].

Мы не можем отрицать тот факт, что приток иммигрантов необходим странам Западной Европы, так как для титульного населения большинства этих стран характерны низкий уровень рождаемости, старение населения и сокращение его численности. В ближайшие 40 лет прогнозируется дальнейшее сокращение коренного населения трудоспособного возраста: в Австрии, Германии, Испании, Италии, Нидерландах – на 20 %, а в других странах ЕС – от 10 до 15 % [3, с. 189–193]. Полный отказ от приема иммигрантов для Европы невозможен.

Официальная позиция стран Западной Европы в отношении иммиграции неоднозначна. С одной стороны, иммигранты, представляющие собой дешевую рабочую силу, необходимы для поддержания конкурентоспособности и развития экономики этих стран. С другой стороны, все чаще признается, что иммиграция служит причиной социальной и политической напряженности во многих западноевропейских странах, а нелегальная иммиграция – источником усиления криминальных сетей в этих странах. Массовый приток иностранцев с иной культурой, укладом, религией, образом мышления обострил социальные проблемы, поставил под угрозу национально-культурное своеобразие европейцев, а в последнее время и безопасность государств в связи с ростом экстремизма и терроризма. В связи с этим для современных европейских государств остро стоит вопрос об интеграции иммигрантов.

По некоторым оценкам, для поддержания существующего баланса на рынке труда стран ЕС ежегодно следует привлекать 1,5–3 млн трудовых мигрантов [5, с. 233]. По оценке экономических служб ООН, для того чтобы компенсировать сокращение численности населения, в том числе и его трудоспособной части, странам ЕС к 2025 г. потребуется около 40 млн иностранных рабочих [15, с. 63].

В большинстве случаев требуется приток высококвалифицированных специалистов. Однако характерной особенностью нынешнего этапа иммиграции в западноевропейские страны является то, что доля трудовой иммиграции в общем потоке заметно сокращается. Растет количество беженцев, а также случаев воссоединения семей иммигрантов.

Эта тенденция вызывает необходимость более жесткого регулирования миграционных потоков. Все большее количество стран ЕС предпочитает политику выборочной миграции, позволяющую отбирать необходимых для страны мигрантов и отсеивать нежелательных. Подобная политика требует четкой выработки, одобрения со стороны населения, а также эффективных механизмов ее применения.

Однако следует отметить, что на практике ужесточение миграционного законодательства зачастую не решает проблему сокращения иммиграции и порой приводит к тому, что растет количество нелегальных мигрантов. Ежегодно границы ЕС пересекают около 500 тыс. нелегальных иммигрантов. По состоянию на 2002 г. в странах Европейского союза около 5 млн иностранцев находились на нелегальном положении [3, с. 14].

Что касается легальной иммиграции, ежегодно в страны Западной Европы прибывает около 700 тыс. мигрантов. По данным на 2002 г., в странах ЕС и Швейцарии проживают около 18 млн легальных иммигрантов. В настоящее время около 80 % легальных иммигрантов живут в четырех странах Западной Европы: Германии, Франции, Великобритании, Швейцарии. На долю легальных мигрантов приходится 5% населения ЕС и Швейцарии и 5,3 % совокупной рабочей силы [11, с. 130–131].

Основной проблемой является интеграция арабо-мусульманского населения, чьи ценности, понятия и менталитет значительно отличается от западных, распространенных в Европе.

Интеграционные проблемы в любой стране определяются в первую очередь иммиграционной политикой ее эволюцией и современным состоянием [9, с. 44].

В результате анализа иммиграционной политики европейских стран можно выделить несколько моделей инициирования иммиграции и попыток ее регулирования [7, с. 47–55]. В данных моделях отражена специфика иммиграционной политики отдельных европейских стран.

Наиболее жестким, последовательным и прагматичным вариантом регулирования иммиграции считается швейцарская модель. Несмотря на то что в Швейцарии почти за 50 лет численность иммигрантов возросла приблизительно в 20 раз (в 1946 г. в стране было зарегистрировано только 50 тыс. иммигрантов, в 1970 г. – 823 тыс., а в начале XXI в. – уже более 1 млн чел. [8, с. 109]), благодаря применению жесткой модели этой стране удалось избежать многих проблем, порождаемых иммиграцией, характерных для других европейских стран.

Иммиграционные потоки и пребывание иммигрантов на территории Швейцарии регулировалось законодательством, разработанным в 1930-х гг.,

обновленным в 1949 г. По этому законодательству предусматривалась выдача дифференцированных разрешений на въезд в страну [7, с. 48].

Разрешение «А» выдавалось сезонным рабочим на срок не более девяти месяцев. Оно жестко ограничивало профессиональную и территориальную мобильность этих рабочих.

Разрешение «В» было весьма схожим с первым видом документов, разница заключалась в том, что оно могло быть продлено.

Разрешение «С» позволяло более длительное пребывание в стране и не ограничивало свободу выбора места работы.

Разрешение «D» выдавалось так называемым приходящим работником, которые ежедневно возвращались к себе домой – в приграничные населенные пункты в сопредельных странах.

Иммигранты, нарушившие правила пребывания в стране в соответствии с типом полученного разрешения, немедленно высылались из страны. Также высылке подвергались и нелегальные иммигранты, появившиеся в Швейцарии только в 1960-х гг.

Подобное жесткое регулирование стало возможным прежде всего в силу высокой компактности рассматриваемого государства, в связи с чем на его территории достаточно легко найти и задержать иностранного «нарушителя». Кроме того, здесь отсутствуют мегаполисы, являющиеся благоприятной средой для образования общин-гетто, затрудняющих интеграцию иммигрантов.

Важную роль в иммиграционной модели Швейцарии играет тот фактор, что большинство государств, поставляющих в эту страну рабочую силу, близки ей в территориальном и социокультурном плане. Так, к концу 1980-х гг. приблизительно из миллиона находившихся на территории Швейцарии иностранцев более половины составляли граждане сопредельных стран: 400 тыс. были итальянцами, 113 тыс. – западными немцами и австрийцами, 47 тыс. – французами. Было также большое количество выходцев из других европейских стран, в частности, 130 тыс. испанцев и португальцев, 67 тыс. югославов [12, с. 9].

И в настоящее время в Швейцарии доля иммигрантов из неевропейских стран весьма невелика, к ним относятся преимущественно выходцы из Турции, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки Южнее Сахары. Большинство прибывших из этих стран обратились с просьбой о политическом убежище.

В 1960-е гг. рост количества числа иностранцев вызвал жаркую полемику вокруг проблемы иммиграции. Противоречивость мнений населения и руководства страны в отношении иммиграции привела к тому, что политика в этой области не была последовательной. С одной стороны, объявлялся курс на значительное сокращение занятости иностранцев, с другой – принимались меры,

направленные на расширение прав иммигрантов и интеграцию их в швейцарское общество [7, с. 50].

Со временем стало очевидно, что швейцарская модель не может остановить процесс трансформации части временных рабочих в постоянных жителей страны. Однако в силу указанных причин эта модель способствовала довольно успешной интеграции иммигрантов и предотвратила образование в Швейцарии общин новых национальных меньшинств.

Следующей была «английская модель» иммиграционной политики. Ее особенность состояла в ориентации на привлечение иностранной рабочей силы главным образом из стран Британского Содружества.

В конце 1950-х гг. основным поставщиком рабочей силы в Великобританию стали страны полуострова Индостан (Индия, Восточный и Западный Пакистан), а также Восточной и Западной Африки.

Изначально в Великобритании формально не существовало понятия «иностранная рабочая», так как большинство лиц, прибывающих для заполнения рабочих вакансий, были членами Содружества и с юридической точки зрения обладали теми же правами, что и сами англичане. Иммигранты имели возможность приезжать вместе с семьями, и сроки их пребывания не ограничивались. В 1962 г. был принят закон, ограничивающий права иностранцев на въезд в страну. Несмотря на это, иммиграционные потоки в страну не уменьшались, к тому же увеличивалась доля семейной иммиграции.

По мнению некоторых исследователей [7, с. 50–52], толчком к трансформации представителей этнических общин из временных рабочих в постоянных жителей послужил тот факт, что правительство перешло к ограничительной иммиграционной политике. Иммигранты понимали, что в случае их выезда из Англии у них больше не будет шансов туда вернуться. А воссоединение с семьей облегчало их пребывание в чужой стране и обычно способствовало решению остаться в Великобритании.

В 1970-е и 1980-е гг. были приняты еще более суровые законы, ограничивающие даже простое посещение Великобритании обладателями британских паспортов, неангличан по происхождению, проживающих на ее зависимых территориях. Кроме того, рожденные на самой территории Великобритании перестали автоматически получать британское гражданство.

Несмотря на принятые меры, общины иммигрантов продолжали развиваться, прежде всего за счет естественного прироста. В результате Великобритания одной из первых европейских стран столкнулась с феноменом второго поколения иммигрантов из неевропейских стран как с массовым явлением.

Третья модель иммиграционной политики – итало-испанская.

На протяжении многих лет Италия и Испания выступали в качестве основных источников иммиграции в сопредельные европейские страны на другие

континенты (в частности Южную и Центральную Америку). Но в последние 10–15 лет эти страны сами стали «импортерами» иммиграции.

Наиболее активные иммиграционные потоки направляются в Италию и Испанию из стран Магриба (в первую очередь из Марокко в силу территориальной близости). В этих странах также активно растут общины сенегальцев, филиппинцев, выходцев из бывших испанских и итальянских колониальных или зависимых территорий (из Эритреи и Ливии). В начале 1990-х гг. в Италии наблюдался значительный наплыв беженцев с Балкан, в частности хорватов и албанцев, что было вызвано обострением конфликтов в этом регионе. В целом в Италии сейчас находятся 800–100 тыс. иммигрантов, что составляет не менее 6 % от всего населения страны [1, с. 42].

Ввиду усиления наплыва иммигрантов и обострения проблем, связанных с иммиграцией, в этой области политика итальянского правительства основывалась на принципе «больше кооперации, меньше интеграции», в силу которого были приняты законы, предусматривающие разработку проектов для возвращения иммигрантов в свои страны и их адаптации там на основе межгосударственной кооперации [1, с. 46].

Однако зачастую подобные проекты осложнялись из-за нежелания многих стран, поставляющих иммигрантов, прежде всего мусульманских, решать проблему иммиграции, так как массовый отъезд из них во многом разряжает ситуацию на местном рынке труда, а денежные переводы, поступающие от иммигрантов на родину, составляют значительную долю ВВП этих стран [1, с. 46–47].

Свои иммиграционные модели существуют во Франции, Германии, Бельгии, Голландии и в других европейских странах. Они объединяют в себе различные элементы перечисленных моделей.

Несмотря на то что каждая страна имеет свои особенности политики регулирования иммиграции, можно выделить несколько основных законных способов получения разрешения на пребывание в стране:

- 1) заключение трудового контракта (в последние годы возможность заключения подобного контракта в странах ЕС была существенно ограничена);
- 2) воссоединение семей (доля этого варианта иммиграции в последние годы заметно увеличилась в общем иммиграционном потоке);
- 3) учеба;
- 4) брак с гражданином или гражданкой данного государства;
- 5) прошение о предоставлении политического убежища.

Вопрос интеграции иммигрантов связан кроме всего прочего с государственной политикой предоставления им гражданства. В странах Западной Европы существует два подхода к натурализации иммигрантов. В ряде стран,

например в Швеции, активно поощряется наиболее быстрое получение гражданства иммигрантами. Эта политика основана на предположении, что таким образом процесс интеграции иммигрантов проходит более гладко. Такие страны, как Швейцария и Германия, наоборот, затягивают процесс предоставления гражданства.

В среднем за год гражданство в странах ЕС получают 300 тыс. иммигрантов. За последнее десятилетие XX в. масштабы предоставления гражданства иммигрантам в странах ЕС выросли в среднем в 2,5 раза. В Ирландии этот показатель увеличился в 7 раз, в Португалии – в 6, а в Финляндии и Нидерландах – в 5 раз. За этот период удельный вес иммигрантов, получивших гражданство отдельных стран ЕС, в среднем составил 1–3 % от всей численности иммигрантов [13, с. 84].

В странах Западной Европы установлены определенные правила предоставления гражданства. Основным показателем является квалификационный период пребывания иммигранта в стране. В большинстве государств он составляет не менее пяти лет (например, в Швеции и Нидерландах). Самый длительный квалификационный период – 12 лет – установлен в Швейцарии. Другое условие – доказательство хорошего поведения (Бельгия), подписание декларации о хорошем поведении в будущем (Великобритания). Ряд стран требуют от иммигрантов знания языка и соблюдения традиций страны проживания (Франция, Германия) [11, с. 133].

В целом практически во всех странах Европы идеи синтеза и многообразия культур сегодня сменились стремлением к жесткой интеграции мигрантов в европейское общество на условиях компромисса: с соблюдением их гражданских прав в том объеме, в котором они не вступают в противоречие с национальными интересами и культурными традициями принимающих их государств [10, с. 67].

Несмотря на существование различных подходов к проблеме иммиграции, во многих западноевропейских странах задача интеграции иммигрантов не была в полной мере решена. Существующие здесь модели регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов в принимающее их общество и государство не смогли предотвратить социального раскола и возрастания социальной напряженности в ряде европейских стран.

Подобная напряженность, связанная с иммиграцией, не могла не повлиять на политическое развитие этих стран, так как социальное недовольство и конфликтность сложившейся ситуации влияют на программы различных политических деятелей и партий и на политику государства в целом.

Проблема иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов затрагивает не только отдельные государства Европы, но и Европейский союз в целом,

создавая определенные трудности и препятствия для дальнейшего развития и расширения процесса европейской интеграции.

### **Влияние иммиграции на социальное и политическое развитие западноевропейских стран на примере Франции и Нидерландов**

Усугубление проблемы иммиграции, и прежде всего интеграции иммигрантов, наиболее ярко в последние годы проявилось в таких странах, как Франция и Нидерланды.

Эти примеры особенно показательны, поскольку Франция и Голландия на протяжении долгого времени следовали абсолютно разным моделям интеграции иммигрантов и регулирования иммиграционных потоков. Французские власти всегда требовали жесткой ассимиляции иммигрантов, тогда как официальная Голландия на протяжении длительного времени придерживалась более мягкой модели, характеризующейся терпимостью к этническим меньшинствам и поощрением и поддержанием существования мультикультурализма в стране.

Несмотря на подобную разницу в подходах к решению проблемы иммиграции, эти государства не смогли избежать социальных конфликтов, связанных с иммигрантами. В результате конфликтов проявилась вся глубина проблемы и стало очевидно, что не удастся полностью интегрировать иммигрантов (речь идет в первую очередь о выходцах из стран с чуждой для европейцев культурой, в частности из арабо-мусульманского мира) в силу их нежелания или невозможности включаться в полной мере в этот процесс. Этот процесс затрудняется и в связи с отторжением и неприятием определенной части иммигрантов со стороны коренного населения.

Сегодня крайней точкой существующего в этих странах конфликта стала ситуация, сложившаяся в Нидерландах после убийства осенью 2004 г. знаменитого голландского режиссера Тео Ван Гога Мухаммедом Буйери, марокканцем по происхождению, и кризис французских пригородов осени 2005 г. Убийца оставил рядом с телом режиссера записку, в которой говорилось о том, что он отомстил во имя Аллаха и что подобная участь ожидает всех врагов ислама. Считается, что на подобный шаг исламского радикала подтолкнул фильм, снятый Тео Ван Гогом, в котором режиссер обвинил ислам в крайне жестоком обращении с женщинами.

Подобное ритуальное убийство по религиозным мотивам вызвало волну негодования со стороны коренного населения Нидерландов, страны принявшей в свое время марокканскую семью Буйери и создавшей все условия для их адаптации к новым условиям проживания в чужой стране.

Это событие подстегнуло и усугубило нарастание межрелигиозного и межэтнического напряжения в стране, которое вылилось в прямое противо-



яние. В стране начались массовые беспорядки: поджигались исламские школы, мечети, представительства мусульманских организаций. Нападения на мусульман и их имущество происходили в таких крупных голландских городах, как Амстердам, Роттердам, Бреда и др. В ответ совершались нападения на церкви и другие христианские объекты.

Поражает тот факт, что подобная религиозная вражда стала возможной в одной из самых терпимых в этническом и религиозном плане стране.

Осенью 2005 г. массовые беспорядки происходили уже во Франции. Политика жесткой ассимиляции, проводимая правительством страны, не привела к необходимой интеграции иммигрантов, а скорее даже вызывала у них отторжение. В первую очередь это относится к арабо-мусульманским иммигрантским общинам. Одним из показателей возрастания напряженности в стране стала жаркая полемика вокруг запрета на ношение хеджаба в государственных образовательных учреждениях. В этом решении проявился традиционный принцип политики Франции, предполагающий недопущение религии в государственную сферу. А крайне жесткая негативная реакция на это решение со стороны мусульманского общества отразила их неприятие идеи жесткой ассимиляции.

Наиболее остро конфликт проявился в результате массовых беспорядков, начавшихся во Франции осенью 2005 г. Инцидент, относившийся к случайной гибели двух юных нарушителей из иммигрантской среды, которых преследовали французские полицейские, стал искрой для начала длительных беспорядков в пригородах многих крупных французских городов. На протяжении нескольких недель выходцы из среды иммигрантов, в основном относящиеся к арабо-мусульманской культуре, устраивали уличные беспорядки во Франции. Среди основных зачинщиков этих беспорядков выделялись молодые люди, воспитанные и живущие в иммигрантских кварталах, так называемых гетто.

Многие СМИ освещали беспорядки во Франции как беспрецедентные, заставшие врасплох традиционно считавшуюся спокойной и благополучной Францию, о чем, по мнению некоторых журналистов, свидетельствовал «паралич» французского правительства и его нерешительность в пресечении погромов. Однако следует отметить, что вандализм и уличная преступность, особенно в неблагополучных кварталах, давно стали повседневными явлениями. В этот раз общественность поразили длительность беспорядков, их масштабы и синхронность действий их участников [4, с. 4].

Первые масштабные волнения во Франции вспыхнули еще в 1981 г. в пригороде Венисье (под Лионом) и других населенных пунктах этого региона. Похожие беспорядки, только в более мелких масштабах, прошли и в некоторых других странах Европы, в том числе в Бельгии, Германии, в меньшей степени в Испании. Эти события показали, что проблема интеграции иммигрантов существует во многих странах Европы и порождает подобные конфликты.

Ситуация, сложившаяся вокруг иммигрантских общин, не могла не сказаться на политической жизни многих европейских стран. По мере усугубления в конце 1990-х г. социальной напряженности, порождаемой трудностями в интеграции иммигрантов и другими проблемами, относящимися к иммиграции (в первую очередь высоким уровнем безработицы и преступности среди иммигрантов), даже наиболее либеральные круги Европы стали пересматривать свое отношение к иммиграции.

Многие возмущались неспособностью их правительств снизить уровень или даже выявить источники *insécurité* (французский эвфемизм, применяющийся для обозначения сочетания таких явлений, как вандализм, уголовная преступность и преступления на почве ненависти, исходящих из мусульманских иммигрантских анклавов) [6, с. 94]. Все острее проявлялась неспособность государства регулировать въезд иммигрантов и нежелание общества (и в некоторых случаях самих иммигрантов) их интегрировать. В одних случаях негативная реакция была связана с ксенофобией и расизмом, в других возникала в ответ на действия политиков, преследующих идеи построения мультикультурализма, максимальной терпимости и предоставления особых льгот в отношении многих групп иммигрантов.

В начале XXI в. «электоральный бунт», вызванный в первую очередь проблемой иммиграции, поставил под угрозу партийные системы Австрии, Бельгии, Дании, Франции и Нидерландов. Тот факт, что в Австрии в 2000 г. в состав правительства вошла поддерживаемая электоратом Австрийская партия свободы, возглавляемая националистом Йоргом Хайдером, привел к такому замешательству среди большинства стран-членов ЕС, что эти страны пошли на беспрецедентную меру – политический бойкот Австрии. В результате подобного давления Хайдер вынужден был покинуть австрийское правительство, но сам факт прихода к власти в европейской стране ультраправой партии является крайне показательным.

В Нидерландах развитие политического радикализма связано с партией, основанной ультраправым политиком Питером Фортейном. Основной программой «Списка Фортейна» стала жесткая борьба с исламизацией Нидерландов. Питер Фортейн критиковал мусульманскую иммиграцию за то, что ислам с его негативным отношением к различным меньшинствам и нетерпимостью к женщинам подрывает голландские либеральные ценности. Он предлагал ограничить количество ежегодно прибывающих в страну иммигрантов с 40 до 10 тыс., а в ближайшем будущем заменить иммиграцию финансовой помощью с тем, чтобы потенциальные иммигранты оставались у себя на родине. К тому же он призывал к отмене первой статьи национальной Конституции, запрещающей дискриминацию, считал ислам «отсталой культурой» и требовал отменить Шенгенские соглашения.

Логика П. Фортейна строилась на том, что, согласно демографическим прогнозам, в 2010 г. в четырех крупных городах Нидерландов – Амстердаме, Роттердаме, Утрехте и Гааге – большинство населения составят некоренные жители страны, главным образом мусульмане. Процент безработных среди мусульман в несколько раз выше, чем среди трудолюбивых голландцев, а это значит, что львиная доля социальных расходов, оплачиваемых налогоплательщиками, уходит именно на иммигрантов. Подобная риторика на фоне осложняющейся в стране ситуации, связанной с иммигрантами, привела к росту популярности «Списка Фортейна».

В 2002 г. «Список Фортейна» получил на местных выборах в Роттердаме 35 % голосов избирателей, после убийства Питера Фортейна эта партия на общенациональных парламентских выборах завоевала 26 из 150 мест в парламенте страны, полностью изменив традиционный баланс сил в Нидерландах [7, с. 66].

Несмотря на то что на состоявшихся год спустя досрочных парламентских выборах ультраправые уступили левой коалиции, получив всего лишь 6 депутатских мандатов, значительная часть установок «Списка Фортейна» перенималась более умеренными партиями. Идеи Фортейна постепенно принимали на вооружение традиционно сдержанные и избегающие резких выражений политики. В феврале 2004 г. коалиционное гражданское правительство, возглавляемое лидером христианских демократов Яном Петером Балькененде, приняло самые строгие в ЕС законы о беженцах. Из страны было выслано 26 тыс. иностранцев, не получивших статуса беженца (таких массовых «чисток» Европа не знала со времен Второй мировой войны). Процесс рассмотрения просьб о предоставлении политического убежища был максимально ужесточен, для ожидающих решения своей участи беженцев построены специальные депортационные центры со строгими правилами и тяжелыми условиями [2].

Рост популярности ультраправых идей проявился и в политической жизни Франции. За тридцать лет созданный ветераном войн в Алжире и Индокитае Жан-Мари Ле Пенем «Национальный фронт» из полужестремистской группировки превратился в сильную политическую партию, пользующуюся постоянно растущей поддержкой избирателей.

Основа политической платформы «Национального фронта» – противостояние мигрантам, чужакам, чья экспансия угрожает самому существованию Франции. Для большей популяризации своей платформы Ле Пен заявляет, что «через десять лет во Франции будут жить люди любого цвета кожи, кроме белых!» [2]. Главное его требование – поставить жесткий заслон на пути иммиграции – с каждым годом становится все более популярным. Степень этой популярности стала ясна, когда в первом туре президентских выборов 2002 г. Ле Пен получил 17 % голосов, обойдя всех кандидатов, кроме Жака Ширака.

Несмотря на то что во втором туре Жак Ширак одержал уверенную победу, сам факт того, что ультраправый политик в европейской стране пользуется настолько большой популярностью, что становится вторым по поддержке избирателей кандидатом в претенденты, настораживает.

Накопившиеся в обществе антиарабские настроения привели к тому, что политик, долгое время считавшийся маргиналом, оказался весьма влиятельным. Ультраправые добились важной для них победы – их идеи проникли в массовое сознание, завоевали себе множество сторонников. Потерпев поражение на президентских выборах, «Национальный фронт» сумел сохранить свои позиции в региональных органах власти и в муниципалитетах.

Социальный и политический кризис, обусловленный напряженностью, связанной с иммиграцией, привел к ужесточению французской политики. Так, до сих пор активно обсуждается Закон «Об иммиграции и интеграции», предложенный Николя Саркози, бывшим на тот момент министром внутренних дел Франции. Этот закон, принятый обеими палатами французского парламента в 2006 г., названный проектом выборочной иммиграции, предусматривает ужесточение иммиграционной политики Франции. Введение более жестких правил в отношении иммигрантов затрагивает вопросы воссоединения семей иммигрантов, условий перевода нелегалов на легальное положение, предоставление французского гражданства, в том числе и в случаях смешанных браков. В данном законе делается акцент на необходимости проведения политики выборочной иммиграции, т.е. на фоне ужесточения общих иммиграционных правил, французское правительство должно способствовать привлечению иммигрантов необходимой квалификации и с конкретными навыками для работы в определенных секторах экономики, страдающих от нехватки подобной рабочей силы [17].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что ультраправые политики и партии стали реальной политической силой во многих западноевропейских странах, а их идеи в отношении иммиграции пользуются все большей популярностью среди коренного населения этих стран.

В результате можно сделать вывод, что иммиграция приобретает все большую значимость в современных условиях и становится политикообразующим фактором как в отдельных странах Европейского Союза, так и в ЕС в целом. Будучи важным фактором внутренней и внешней политики стран Евросоюза, иммиграция превращается в объект и субъект внутригосударственных и межгосударственных отношений.

На фоне существующей потребности в привлечении иммигрантов для поддержания и увеличения эффективности экономик европейских стран усиливаются процессы, угрожающие стабильности этих стран и их национальной идентичности, обусловленные спецификой современных иммиграционных трендов в Европе.

Среди особенностей этих трендов следует отметить:

- значительные масштабы иммиграционных потоков второй половины XX – начала XXI в.;
- крайнюю неоднородность иммиграции, источниками которой служит множество различных стран и регионов мира;
- сочетание экономической и политической иммиграции, а также сокращение доли трудовой иммиграции и усиление семейной иммиграции в общем иммиграционном потоке;
- постепенное превращение временных иммигрантов в новые этнические меньшинства для принявших их стран;
- значительное увеличение масштабов нелегальной иммиграции;
- осложнение ситуации на европейском рынке труда, а также затруднение процесса интеграции иммигрантов, требующих более жесткого регулирования иммиграционной политики и выработки эффективной модели интеграции новых этнических меньшинств.

Для определения роли иммиграции в современных политических процессах европейских стран показательна тенденция усиления социальной и политической напряженности, вызванной неэффективностью существующей в большинстве западноевропейских стран политики регулирования иммиграционных потоков и интеграции иммигрантов.

Анализа отдельных моделей регулирования иммиграции показал, что наиболее эффективна швейцарская модель. Однако эта эффективность объясняется не столько жесткими мерами по регулированию иммиграционных потоков, сколько особенностями самой Швейцарии, позволяющими применять эти меры на практике. Другие рассмотренные модели на практике не приводят к полному регулированию иммиграционных потоков. Порой даже ужесточение иммиграционной политики влечет за собой рост нелегальной иммиграции, что еще больше затрудняет и ослабляет государственный контроль в этой области.

Неэффективность политики ведущих стран ЕС в отношении иммиграции привела к усугублению проблем, связанных с неудачей интеграции определенной части иммигрантов. В результате проявился раскол внутри европейских обществ между европейцами и отказывающимися интегрироваться иммигрантами, преимущественно из арабо-мусульманского мира.

### **Библиографический список**

1. *Барбанов О.Н.* Италия после холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2002.
2. *Бенедиктов К.* Ультраправый фланг Европы. URL: [www.apn.ru](http://www.apn.ru)

3. Занятость и безработица в Западной Европе: Эволюция политики занятости. М.: ИНИОН РАН, 2002.
4. *Зегонов О.* Беспорядки во Франции: характер, причины, уроки // Аналитические записки МГИМО (У). 2006. Вып. 2 (14).
5. *Зинченко Н.Н.* Правовое регулирование трудовой миграции в странах Европейского союза // Московский журнал международного права. 2004. № 2.
6. *Лейкен Р.* Разгневанные мусульмане Европы // Россия в глобальной политике. 2005. № 6.
7. *Михайлов С.В.* Европа: от временных иностранных рабочих к новым этническим меньшинствам // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 1.
8. *Мюле Р.* Использование иностранной рабочей силы в Швейцарии (1945–1970 гг.) // Миграция и мигранты в мире капитала. Киев: Наукова думка, 1990.
9. *Прохогина С.* Интеграция по-французски // Азия и Африка сегодня. 2003. № 6.
10. *Стрельцова Я.Р.* Франция и проблема интеграции мигрантов // МЭиМО. 2005. №9.
11. *Хижный Э.К.* Иммиграция в страны Западной Европы: экономические, демографические и юридические аспекты // Россия и современный мир. 2005. № 1.
12. *Boley J.-C., Vorlet J.-P.* The foreign population resident in Switzerland. Lozanne, 1988.
13. Eurostat yearbook, 2002: The statistical guide to Europe, Data 1990–2000. Luxembourg: European Commission, 2002.
14. *Dumont J.-C.* Return migration: policies and practices in Europe // Bulletin of the WHO. Feb. 2005. 83 (2)
15. Key indicators of the labour market, 2001–2002. Geneva: ILO, 2002.
16. Le Monde. 2008. 28–29 sept.
17. Les points clés du projet de loi // Le Figaro. 2006. 2 mai.
18. World employment report. Geneva: ILO, 2001.